

Глава I

Мальстер-Парк, Англия Обычный прием у Нитервудов

Его мать, маркиза Фелстед, разослала приглашения всем ближайшим родственникам и всем соседям в радиусе тридцати километров. В целом доме не осталось ни одной комнаты, где бы не толпились гости. Чтобы расположить всех, кто предпочитал развлекаться на улице, установили большие шатры, где гости могли укрыться от солнца и перекусить.

Джастин Рив Нитервуд, граф Кемпторн — или Торн, как называли его родные и друзья, — уже давно потерял из виду свою матушку. Тем не менее он нисколько не сомневался, что маркиза наслаждалась бессчетным потоком гостей и уверенно, как генерал, командовала слугами.

Он только что вышел из библиотеки, где его отец жарко, но тщетно спорил о политике с десятком друзей, отчего у Торна разболелась голова. Если бы их споры заканчивались кулачными боями, он, возможно, задержался бы подольше. Однако пятидесятишестилетний маркиз прекрасно знал, что его жена ни в коем случае не одобрила бы столь грубые проявления чувств, поэтому всегда успевал вмешаться и сгладить разногласия между друзьями.

Это на самом деле было досадно, потому что ничто не могло бы сравниться с хорошим мордобоем. Хорошая драка рассеивала невысказанные обиды, подогревала кровь и поднимала настроение. Мысли о драке заставили Торна вспомнить о своем брате-близнеце, Гидеоне. От досады он стиснул зубы. Он сожалел о своем решении приехать в Мальстер-Парк, хотя скорее отрезал бы себе язык, чем признался бы в этом. Больше нет сил быть

учтивым. Наверное, пришло время признать поражение и отправиться к друзьям в Лондон.

Обиды на Гидеона немного подождут.

Торн шел по залу: лакеи в ливреях, словно стражи, стояли у каждой двери и провожали засидевшихся гостей, желавших других развлечений, или тех, кто получил указания от любовниц. Эхом раздался детский крик. Торн резко остановился, когда ему под ноги бросился двухлетний малыш. Он нагнулся, взял белокурого мальчугана на руки и попытался поймать его взгляд.

— И чей же ты будешь? — спросил он, заметив, что под белой сорочкой у крохи ничего нет.

В ответ малыш засунул в рот большой и указательный пальцы и улыбнулся.

— Вижу, ты ничуть не стыдишься своей наготы, — пробормотал Торн и был вознагражден детским щебетанием. — Давай-ка поищем твою маму, пока ты...

Спереди на сорочке у малыша появилось мокрое пятно, которое увеличивалось с угрожающей скоростью. Торн застонал, подальше отстраняя от себя ребенка. Стоящие неподалеку начали перемигиваться и хихикать, заметив, в каком затруднительном положении оказался несчастный, когда из-под описанной сорочки малыша закапало прямо на мраморный пол.

Торн бросил сердитый взгляд на стоящего рядом лакея:

— Вы не откажетесь мне помочь?

Малыш радостно засмеялся.

— Да-да! Славно ты тут повеселился, парень, — сказал Торн, отдавая ребенка слуге.

Краем глаза он увидел, что к нему приближается его девятилетняя кузина. Леди Мюриэль Олдмен была красивым ребенком — рыжеватая блондинка со светло-зелеными глазами. Ее родители — дальние родственники матушки Торна — трагически погибли во время пожара, который вспыхнул в их доме три года назад. Близких родственников не нашлось, и лорд Фелстед вызвался ее опекать. Младшая сестра Торна, Фиона, взяла сироту под свое крыло, и девочка расцвела в усадьбе Нитервудов. Торн начал относиться к ней как к еще одной младшей сестре.

— Мюриэль, ты знаешь этого малыша?

Девочка кивнула и недовольно взглянула на лужу, растекающуюся под ребенком, который вертелся, пытаясь высвободиться из рук лакея.

— Это сын миссис Степл.

— Будь хорошей девочкой и приведи его мать, — попросил Торн, доставая из кармана жилета платок, и улыбнулся малышу, — пока этот хулиган опять не сбежал. — Он наклонился и вытер мокрые носки ботинок.

Мюриэль, всегда готовая помочь, отправилась выполнять просьбу Торна. Удаляясь, она бросила через плечо:

— Я найду ее для вас. — Внезапно девочка остановилась и обернулась. — Ой, чуть не забыла.

— Что?

— Вашего брата нигде нет. — Мюриэль многозначительно посмотрела на Торна. — Леди Фелстед поручила вам его разыскать, поскольку никто не знает его лучше, чем вы.

«Я знаю его не настолько хорошо, как должен был бы», — подумал Торн.

— Немедленно отправлюсь его искать.

Выполнив поручение маркизы, Мюриэль помахала Торну рукой и поспешила на поиски миссис Степл.

Торн посмотрел на лакея, который держал описавшегося мальчугана.

— Не спускай его с рук, пока мать не объявится.

— Можете на меня положиться, милорд, — заверил лакей и поморщился — малыш ненароком лягнул его по ребрам.

Торн нахмурился, сочувствуя бедолаге. Обошел лужу на полу и вышел в открытую дверь искать своего заблудшего братца.

Через сорок минут Торн уже был зол на весь мир, включая Гидеона. Он обыскал все окрестности дома, но его брату удалось исчезнуть бесследно. К тому же каждые пять метров кто-то окликал его по имени, отбирая несколько минут драгоценного времени. И с каждой минутой его раздражение росло.

Он уже потерял счет прохожим, которые останавливали его с вопросом: «О, а где же ваш очаровательный брат? Или вы — это он?»

Всю жизнь Торну и Гидеону задавали одни и те же вопросы. Никто не мог отличить их друг от друга, если только они не решились выдать себя намеренно. Различия между ними были едва уловимыми, например чуть заметный, длиной в сантиметр, шрам от игрушечного меча на внешней стороне бедра Торна, оставшийся после шуточной дуэли в детстве, и маленькая родинка на правой ягодице Гидеона. Даже их матушка, с тех пор как запретила им гулять на людях голышом, не могла их различить.

С малых лет они с братом часто пользовались своим сходством и веселились, когда их путали. Это было сродни озорству, игре, в которой, повзрослев, они были искусными игроками.

Были до того дня, когда Гидеон заявил: он покидает Англию в поисках счастья и в путешествиях компания лорда Фелстеда ему совершенно ни к чему. Решение брата больно ранило Торна, погрузив его в беспросветную тоску, в которой он томился до сих пор.

Впервые в жизни брат оставил его наедине со всем миром. Сейчас, когда после нескольких лет разлуки Гидеон вернулся в Англию, Торн сомневался, что сможет легко подавить свое невысказанное негодование.

Только что подстриженная лужайка тянулась к саду перед террасой. В детстве они с Гидеоном бегали по этим посыпанным гравием тропинкам, исследовали сады и купались в озере, которое возникло здесь сотню лет назад. Гравий под ногами стал галькой. Озеро порой выходило из берегов и смывало гравий, поэтому матушка настояла, чтобы в глубине сада кое-что изменили. Это было десять лет назад. Сейчас над Торном возвышалась живая изгородь вдоль тропинки, ведущей к озеру. Декоративные горшки с розовыми рододендронами и белыми азалиями добавляли пейзажу ярких цветов. Три тропинки пересекались с главной дорожкой, ведущей к озеру. Одна убегала в уединенный уголок сада, где в хорошую погоду любила проводить время его матушка. Вторая — к домику, где предлагали остановиться гостям, ценившим уединение. Третья вела к храму в греческом стиле. Они с Гидеоном сражались на деревянных мечах между дорических колонн.

В знакомом, навевающим воспоминания окружении Торн должен был бы испытать облегчение, но вместо этого ощутил тре-

вогу. Словно он стоял у обрыва в преддверии очередных изменений в жизни. И был отнюдь не уверен, что ждет их и примет с готовностью. Справа в изгороди образовался просвет, и Торн ступил на деревянный настил, простирившийся над водой. Здесь поместился бы целый оркестр, служил настил и причалом. Торн рукой заслони́л глаза от слепящего солнца, вгляделся в водную гладь и заметил мужчину и женщину в маленькой лодке посреди небольшого озера. На противоположном берегу, заросшем травой, паслись овцы.

Гидеон.

Леди он не узнал. Она сидела к нему спиной, а ярко-красный зонтик скрывал верхнюю часть ее тела, пока она разговаривала с его братом.

Казалось, что парочка увлечена беседой и не замечает Торна, стоящего на деревянном причале. От досады у него свело челюсти и шею. Если бы Гидеон не отмахнулся так легко от своей семьи и друзей, которые собрались в Мальстер-Парк, чтобы отпраздновать его возвращение домой, он наверняка бы оставил брата и дальше флиртовать с девицей.

Однако мать немало потруди́лась, чтобы организовать эту вечеринку для его неблагодарного брата-близнеца. По крайней мере он мог бы проявить признательность — видимо, во время путешествий Гидеон утратил представление о приличиях, и у Торна чесались руки напомнить брату о хороших манерах.

В шлюпке раздался мужской смех, который поплыл по тепловому воздуху к самому причалу.

Торн нахмурился: он не мог припомнить, когда в последний раз слышал, как смеется брат. Взгляд его задержался на женщине — он пытался разглядеть, кто же это.

Погрузившись в свои размышления, Торн пропустил момент, когда Гидеон заметил его.

— Ура! Братец! Как вовремя! Прекрасный денек, не так ли? Не думал, что можно выманить тебя из отцовской библиотеки.

Таинственная собеседница Гидеона обернулась и немного подняла зонтик, чтобы украдкой взглянуть на Торна. Но лица ее все равно было не разглядеть.

Торн сложил руки рупором у рта и прокричал: